

Вечером Цзинь Имянь приехал в больницу, чтобы забрать Линь Яо. В больнице ему выдали целый пакет с лекарствами — как для приема внутрь, так и для наружного применения.

Линь Яо, прижимая к себе пакет, сел на пассажирское сиденье. Он то и дело поглядывал на того, кто вел машину. Лицо Цзинь Имяня уже не казалось таким суровым, но от начала и до конца пути он не произнес ни слова. Линь Яо, опасаясь потревожить осиное гнездо, вел себя тихо и не смел сказать ни слова лишнего.

Вернувшись домой, Цзинь Имянь уже собирался выйти из машины, как вдруг Линь Яо схватил его за рукав:

— В дом кто-то вошел.

Когда Цзинь Имянь увозил его в больницу, был еще день, и он уже уволил сестрицу Ли, однако сейчас в доме горел свет.

Цзинь Имянь взглянул на него. Эта привычка Линь Яо постоянно проявлять излишнюю бдительность, похоже, никуда не делась:

— Это Матушка Чжоу.

Линь Яо опешил:

— Матушка Чжоу?

Цзинь Имянь бросил взгляд на руку, которой Линь Яо вцепился в его рукав. На тыльной стороне ладони еще виднелись красные пятна; видимо, днем, пока старуха не видела, он расчесал кожу до крови.

— Бабушка попросила ее прийти, — сказал Цзинь Имянь. — Пока не найдем новую помощницу, Матушка Чжоу будет присматривать за тобой.

Старуха узнала об увольнении сестрицы Ли и похвалила Цзинь Имяня за решение. Они нанимали ее не для того, чтобы она делала одолжение — раз не справлялась даже с базовыми обязанностями и посмела хамить хозяину, то таким людям в доме не место.

Линь Яо пробормотал «понятно» и, отпустив Цзинь Имяня, снова почесал руку.

Цзинь Имянь взял его за руку, не давая чесаться:

— Перестань.

Линь Яо выглядел подавленным:

— Я правда не знал, что там была арахисовая паста, иначе не стал бы есть.

Цзинь Имянь был зол — не на Линь Яо, а на себя, что не удосужился предупредить. Если бы вчера он сказал, что вернется пообедать, Линь Яо не стал бы хватать что попало.

Матушка Чжоу, услышав их, радостно отозвалась:

— Я приготовила куриный бульон и нажарила твоих любимых лепешек с говядиной, поешь потом как следует.

Линь Яо на самом деле не особо хотелось есть, но, услышав, что Матушка Чжоу специально приготовила то, что он любит, он растрогался — с самого детства, кроме бабушки, никто так о нем не заботился:

— Спасибо, Матушка Чжоу. Я за эти дни совсем истощал, так ужасно себя чувствую.

Матушка Чжоу закончила с делами и обратилась к Линь Яо:

— У Цзинь Имяня отлично выходит рисовая каша с овощами и мясом. Я никак не могу научиться делать ее так же вкусно. Раз уж продукты куплены, пусть он приготовит тебе.

Цзинь Имянь посмотрел на Линь Яо.

— Ты больше не злишься? — спросил тот.

Цзинь Имянь не ответил. Фирменным блюдом Цзинь Имяня был вовсе не жареный рис с яйцом, а именно эта каша с морепродуктами. Вчера вечером он приготовил рис, только потому что не хватило ингредиентов для каши. Он никак не ожидал, что Линь Яо так понравится это блюдо — тот не только съел все до последней ложки, но и попросил приготовить еще.

Однако сейчас Цзинь Имянь не горел желанием стоять у плиты. В конце концов, если он готовит, Линь Яо все равно не наедается — к чему тогда стараться?

Линь Яо, заметив ожидание во взгляде парня, добавил:

— Просто эти дни, пока не ел твоей стряпни, был ужасно голоден.

Цзинь Имянь посмотрел на него:

— Впредь не пугай меня так.

— Хорошо, — тихо ответил Линь Яо.

В полночь Цзинь Имяня разбудил шум, доносившийся из ванной. Он открыл глаза и

обнаружил, что Линь Яо в кровати нет.

Дверь ванной была приоткрыта, оттуда пробивался свет. Цзинь Имянь подошел, толкнул дверь и увидел, что Линь Яо сидит на полу, обнимая унитаз, и его тошнит без остановки.

Цзинь Имянь вошел внутрь, присел рядом и мягко похлопал его по спине:

— Это побочные эффекты?

Линь Яо без сил кивнул:

— Разбудил тебя.

Цзинь Имянь не столько боялся проснуться, сколько не знал, что делать в такой ситуации:

— Знал же, что тебе плохо, зачем столько съел? Теперь мучаешься?

— Мучаюсь, — прохрипел Линь Яо, уткнувшись лицом в скрещенные руки. — Редко кто готовит специально для меня. Матушка Чжоу столько старалась, как я мог не съесть?

Линь Яо в таком состоянии и с такими словами наконец-то вызывал искреннюю жалость. Цзинь Имянь перестал хлопать его по спине и начал медленно поглаживать.

— Через сколько дней это пройдет?

— Дня через два-три, — ответил Линь Яо.

Цзинь Имянь нахмурился:

— И два-три дня тебя будет так тошнить?

Линь Яо взглянул на него:

— Если завтра утром кто-нибудь приготовит мне кашу с морепродуктами, я обещаю, что больше не буду.

Матушка Чжоу готовила вкусно, но Линь Яо никак не мог забыть вчерашний рис. Неизвестно, был ли он тогда так голоден, но вкус того блюда не выходил у него из головы. А услышав, что каша Цзинь Имяня еще вкуснее, он был готов даже выплевывать желудочный сок, лишь бы попробовать.

— Ты думаешь, что сможешь встать и поесть, если я приготовлю с утра? — спросил Цзинь Имянь.

Линь Яо не мог подняться:

— Тогда в обед?

— Ты думаешь, у меня есть время возвращаться домой каждый день, чтобы готовить тебе обед?

Линь Яо вздохнул и снова прислонился к рукам:

— Если бы ты вчера сказал, что придешь приготовить еду, я бы не стал заказывать доставку и не нажил бы себе такой беды.

Эти слова попали в самое больное место — Цзинь Имянь чувствовал себя виноватым:

— Сам съел всякую гадость, а теперь винишь меня. Только ты один на свете на такое способен.

Линь Яо, измученный, положил голову на руки. Непонятно, от дурмана в голове или от бессилия, но он пробормотал:

— На этом свете я могу быть таким только перед тобой, так что потерпи.

Рука Цзинь Имяня замерла у него на спине. Он встал:

— Я принесу тебе воды.

Линь Яо поднял голову:

— Значит, каши не будет?

Цзинь Имянь слегка щелкнул его по лбу:

— Какая каша, иди лучше тошни дальше.

Когда он вернулся с водой, Линь Яо уже перебрался из ванной на кровать. Он лежал на животе, вытянув руки вдоль тела, и, склонив голову, бормотал:

— Каша... каша с морепродуктами... каша от Цзинь Имяня.

Цзинь Имянь прислушался и спустя долгое время разобрал слова:

— Вставай, пей воду.

Линь Яо не пошевелился, двигались только его глаза.

Цзинь Имянь беспомощно вздохнул:

— Завтра вечером приготовлю. А сейчас вставай, прополощи рот, переодень пижаму и не лежи тут, воняя.

Линь Яо послушно сел, прополоскал рот и с шумом проглотил воду.

Цзинь Имянь лишь молча смотрел на него.

— У тебя же мания чистоты, да? — внезапно спросил Линь Яо.

Цзинь Имянь был готов взвыть от отвращения, была у него мания или нет.

Линь Яо заметил его брезгливость:

— Я полоскал рот в ванной, не надо на меня так смотреть, будто я грязный.

Напряженное лицо Цзинь Имяня немного смягчилось:

— Спи.

— Ты так и не ответил, — настаивал Линь Яо. — У тебя мания чистоты. С самого дня, как мы вернулись из больницы, ты заставлял меня переодеваться, а теперь брезгуешь. Как ты с такой щепетильностью несколько лет прослужил на границе?

Цзинь Имянь забрал у него стакан:

— Слышал поговорку: кто много говорит, тот много ошибается? Я никогда не говорил тебе, что служил на границе несколько лет, и не хочу знать, откуда ты это узнал. Теперь ты можешь наконец заснуть?

— ...Могу, — Линь Яо послушно закрыл рот.

— Ложись и спи, — скомандовал Цзинь Имянь.

Линь Яо лег на спину и накрылся одеялом.

Убедившись, что тот успокоился, Цзинь Имянь перешел на другую сторону кровати и лег. Как только он погасил свет, он услышал, как рядом кто-то зашуршал. Линь Яо пододвинулся ближе и прошептал:

— Завтра вечером каша еще в силе?

В окно лился яркий лунный свет. Цзинь Имянь видел, как пристально Линь Яо смотрит на него с такого близкого расстояния, и отвернулся:

— Посмотрим на твое поведение.

В половине одиннадцатого утра Цзинь Имянь получил сообщение от Линь Яо: «Муж~ доброе утро [целую] Возвращайся вечером пораньше, буду ждать тебя~».

Цзинь Миню вышел из морга, снял маску и посмотрел на Цзинь Имяня так, словно увидел нечто невероятное:

— Я не ошибся? Тебя отстранили от должности, а ты еще можешь улыбаться?

Цзинь Имянь, ответив на сообщение, спрятал телефон:

— Это лишь временное отстранение.

— Временное — тоже отстранение, — заметил Цзинь Миню. — И из-за чего тебя отстранили? Смерти этих людей ведь нельзя повесить на тебя?

Цзинь Имянь не мог вдаваться в подробности:

— Начальство подозревает, что это дело связано с Линь Яо.

Пан Мо после того, как пришел в себя, в один голос твердил, что на них напал Линь Яо, в то время как сам Цзинь Имянь утверждал, что это был он. Показания разошлись. По идее, руководство должно было поверить Цзинь Имяню, но дело касалось его новоиспеченного супруга, к тому же до момента гибели тринадцати бандитов в больнице дежурили люди Цзинь Имяня. Теперь, когда все мертвы, подозрения пали на него, и начальству ничего не оставалось, как временно отстранить его от службы.

Цзинь Миню не сильно удивился самому факту отстранения, но, услышав, что подозревают Линь Яо, тут же выругался:

— У них что, мозги свинцом залило? Подозрения на Линь Яо? Да что может сделать этот хрупкий Линь Яо?

И вправду, что может сделать хрупкий Линь Яо? Тот, кто может попасть в больницу, просто съев пирожное. Но Пан Мо настаивал на том, что Линь Яо укладывал бандитов ударом кулака, и что тут было поделать?

Цзинь Миню возмущенно воскликнул:

— Нет, я должен сказать об этом деду.

Цзинь Имянь не хотел раздувать скандал. Тайны Линь Яо он предпочитал хранить в одиночку:

— Не говори деду. Если начальство хочет расследовать — пусть расследует.

Цзинь Имянь не боялся проверок. В медицинской карте Линь Яо можно было найти целую гору справок, и именно поэтому он до сих пор отказывался верить в причастность Линь Яо к этому делу.

Цзинь Миню подумал немного:

— Тоже верно. Пусть расследуют. А заодно пусть оплатят счета за нынешнюю госпитализацию Линь Яо. Арест Пан Мо — это в любом случае заслуга, если они не хотят давать нам награду, то пусть хотя бы не думают, что наших людей можно так просто обижать.

<http://bllate.org/book/22086/2296691>